

УДК 316.356.2

ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ВОССТАНОВЛЕННОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМЬЕ*

О.В. Бессчетнова

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, Балашовский институт, Балашов, Россия,
e-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru*

Представлены результаты социологического исследования, проведенного на территории трех субъектов Российской Федерации: Белгородской, Саратовской областей и Забайкальского края — с целью изучения взаимоотношений детей и родителей, восстановленных в родительских правах, в новой ресоциализированной семье. Исследование проводилось методом глубинных интервью с родителями, восстановленными в родительских правах ($n = 35$), и детьми, возвращенными в биологические семьи ($n = 100$). Приведена классификация родителей, лишенных родительских прав; выявлены типичные объективные и субъективные барьеры, позволяющие/затрудняющие восстановление права опеки над родными детьми; предложен перечень индикаторов, нацеленных на определение наиболее острых «переломных моментов» в жизненных траекториях детей и родителей, оказывающих влияние на их взаимоотношения.

Ключевые слова: дети, родители, детско-родительские отношения, биологическая семья, восстановление родительских прав, жизненные траектории.

CHILD-PARENT RELATIONSHIPS IN REUNITED BIOLOGICAL FAMILY

O.V. Besschetnova

*Balashov Institute of Saratov State University, Balashov, Russia,
e-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru*

The article presents the results of the sociological research carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in Belgorod, Saratov regions and Trans-Baikal territory, with the aim of studying the child-parent relationship in reunited and re-socialized family. The main method of the study is in-depth interviews with parents who return their parental rights ($n = 35$) and children reunited with biological families ($n = 100$). The article contains the classi-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Жизненные траектории детей и их биологических родителей, восстановленных в родительских правах» № 16-03-00057-ОГН.

fication of parents whose parental rights are terminated; typical objective and subjective barriers that allow/impede the reunification process; the list of indicators, identifying the most important “turning points” in the life trajectories of children and their biological parents that affect their relationships.

***Keywords:** children, parents, child-parent relations, biological family, reunification of parental rights, life trajectories.*

Введение

Семья является одним из основных социальных институтов, который обеспечивает воспроизводство населения, преемственность поколений, передачу знаний и опыта через сохранение и воспроизведение языка, менталитета, образа жизни, социокультурных традиций, ценностей, обычаев и норм поведения в процессе социализации новых членов общества. Будучи первичным агентом социализации, семья играет решающую роль в процессе формирования жизненной траектории ребенка. Вместе с тем ее собственная жизнедеятельность зависит от целого ряда объективных и субъективных факторов, непосредственно влияющих на характер отношений между членами семьи, их психическое и физическое здоровье, уровень и качество жизни, социальный статус, доступ к различного рода ресурсам.

Изменения в социальной структуре общества, сильное социальное неравенство, усугубляющееся финансовым кризисом, военно-политическим противостоянием мировых держав, санкциями, не способствуют стабильности и повышению качества жизни семей с детьми, усиливая и без того высокий уровень напряженности, конфликтности в супружеских и детско-родительских отношениях.

Юридически взаимоотношения биологических родителей и детей основаны на факте кровного родства, который предполагает наличие неотчуждаемых прав и обязанностей по отношению друг к другу. Нарушение правовых норм, предусмотренных законодательством РФ, влечет за собой различную степень ответственности (административную, уголовную), а также ограничение или лишение родительских прав и, как следствие, передачу права опеки над несовершеннолетними детьми уполномоченным на то лицам (усыновителям, опекунам/попечителям, приемным родителям, патронатным воспитателям, др.) или государственным организациям (медицинским, образовательным, социозащитным учреждениям для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей).

Утрата опеки над кровными детьми может произойти как на добровольной основе, так и в принудительном порядке. Трудная жизненная ситуация или социально опасное положение (проблемы с жильем, здоровьем, трудоустройством, преодоление зависимостей и т.д.) заставляют родителей добровольно помещать детей сроком на один год в социозащитные учреждения (социально-реабилитационные центры, приюты, стационарные отделения центров помощи семье и детям), не дожидаясь решения суда об ограничении или лишении их родительских прав. Многие из них по истечении данного периода не имеют возможности забрать детей в семью из-за нерешенных проблем. В соответствии с законодательством РФ дети, оставши-

еся без попечения родителей, передаются на различные формы устройства — под опеку, усыновление, в приемную или патронатную семью либо в государственные организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

В случае невыполнения, злоупотребления, пренебрежения родительскими обязанностями по содержанию и воспитанию детей, перечень которых содержится в Семейном кодексе РФ, родители могут быть принудительно лишены права опеки над несовершеннолетними детьми по решению суда. Несмотря на то, что процедура лишения/ограничения родительских прав в нашей стране предусматривает возможность их восстановления, практика показывает, что немногие родители пользуются данным правом. В 2017 г. в России 30 876 родителей были лишены родительских прав, восстановили право опеки — 1 568 (Федеральная служба ...).

Организация и методика исследования

Исследование осуществлялось в 2017–2018 гг. на территории трех субъектов РФ: Белгородской, Саратовской областей и Забайкальского края. Его основные цели: являлись: 1) изучение структурных, поведенческих, мотивационных и личностных трансформаций, произошедших с биологическими родителями в процессе восстановления родительских прав; 2) анализ детско-родительских отношений и оценка степени риска для жизни и здоровья детей в восстановленной биологической семье.

В качестве основного метода исследования в обоих случаях применялся метод глубинных интервью.

Объектами исследования в первом случае выступали женщины 30–45 лет, ранее лишенные родительских прав, имеющие в анамнезе алкогольную или наркотическую зависимость ($n = 35$), во втором — дети 10–17 лет, возвращенные родителям, восстановленным в родительских правах по решению суда ($n = 100$). В исследовании использована вероятностная гнездовая выборочная совокупность, предполагающая сплошной опрос всех доступных для исследования объектов, из-за их немногочисленности и трудностей установления контактов с ними по причине настороженной, оборонительной позиции к исследователю, интересующемуся их прошлой и настоящей жизнью, страха потери детей.

Результаты исследования

Характер детско-родительских отношений во многом определяется стереотипными установками, социальными конструктами, заданными социальными, культурными, морально-нравственными и правовыми нормами, принятыми в конкретном обществе. Отношения в диаде «мать — ребенок», в свою очередь, основаны на целом ряде требований и предписаний (прямых и косвенных), предъявляемых социумом на всех стадиях материнства — подготовка к зачатию, беременность, роды, уход в первые месяцы жизни — и на каждом последующем этапе взросления ребенка.

Социальные представления о материнстве можно найти практически во всех культурах; они объединяют образы, мысли, убеждения, нормы, разделяемые большинством членов общества, и включают в себя некие универсальные компоненты,

основанные на предписанном гендерном разделении ролей (Микляева, Румянцева, 2018).

Во-первых, традиционно считается, что основным предназначением женщины является деторождение (во многих культурах, особенно в мусульманских, статус женщины значительно повышался с рождением большого количества детей, особенно наследников мужского пола), в связи с чем даже успешная во всех отношениях современная бизнес-леди, но без детей, продолжает восприниматься в обществе как «нездоровая», «неполноценная».

Во-вторых, наличие стереотипа о «материнском инстинкте», предполагающем априорную любовь к детям, присущем каждой женщине и детерминирующем ее поведение, не позволяет ей открыто проявить отрицательные эмоции (фрустрацию, гнев, недовольство), чтобы не быть обвиненной в жестоком обращении с детьми, психическом отклонении, агрессивном или неадекватном поведении, вместо признания необходимости оказания ей социальной, психологической, педагогической или медицинской помощи.

В-третьих, существование в обществе модели «идеальной матери», предъявляющей завышенные, нереалистичные требования к современной работающей женщине, провоцирующей формирование чувства вины («я плохая мать») и амбивалентного отношения к своим детям.

В-четвертых, материнство приводит к возникновению ролевого конфликта «мать — работник», который оказывает негативное влияние на профессиональный имидж, карьеру женщины, поскольку работодатель и коллеги начинают ассоциировать ее исключительно с родительскими обязанностями, субъективно занижая ее профессиональные качества, сомневаясь в ее компетентности, как бы отодвигая их на второй план, что, в свою очередь, приводит к усилению фрустрации, внутриличностному ролевому конфликту, негативным переживаниям, связанным с семьей и детьми.

Несоответствие общепринятым стандартам «идеальной матери», невозможность открыто вербализировать свои амбивалентные мысли и чувства, связанные с воспитанием детей, не подвергаясь стигматизации, приводят к послеродовой депрессии, психосоматическим заболеваниям, алкоголизму, случаям жестокого обращения с детьми, пренебрежению родительскими обязанностями, создавая предпосылки для негативной оценки исполнения ими родительских ролей, появления оснований для изъятия ребенка из семьи и в конечном итоге ограничения или лишения родительских прав.

Несмотря на уникальность каждой конкретной семьи, родители, лишённые родительских прав, обладают рядом общих социальных характеристик, которые позволяют сгруппировать их в пять больших социальных групп на основе схожих жизненных траекторий:

Родители, лишённые родительских прав в результате аморального, асоциального образа жизни, злоупотребления алкоголем, наркотическими веществами, криминального поведения, жестокого обращения с детьми, пренебрежения или злоупотребления родительскими обязанностями.

Родители, лишённые родительских прав из-за длительного отсутствия по месту проживания (часто в результате трудовой миграции, устройства личной жизни), не живущие с несовершеннолетним ребёнком более шести месяцев, которые передали право опеки над ним родственникам (бабушкам/дедушкам) или третьим лицам по доверенности и прекратили поддерживать контакты с ним (переехали на постоянное место жительства в другой населённый пункт; создали новую семью; их местопребывание неизвестно, др.).

Родители, добровольно отказавшиеся от родительских прав в пользу опекунов/попечителей, кем чаще всего являются их собственные родители, взявшие под опеку внуков, которые в силу малообеспеченности нуждаются в предоставлении им льгот и выплате государственных социальных пособий, предусмотренных законодательством РФ, для детей с установленным социальным статусом «дети, оставшиеся без попечения родителей».

Родители (в большинстве случаев отцы), утратившие родительские права из-за злостного уклонения от содержания своих несовершеннолетних детей (невыплаты алиментов).

Родители, лишённые родительских прав в силу сложившихся жизненных обстоятельств (несовершеннолетнее материнство, развод, потеря близких, депрессия, проблемы со здоровьем, длительное лечение и т.д.).

Анализ глубинных интервью респондентов позволяет утверждать, что представители двух первых групп крайне редко восстанавливают родительские права по причине полной деградации личности, снижения морально-нравственных норм, искажения системы ценностных ориентаций. Третья группа родителей, как правило, также имеет крайне низкую мотивацию на восстановление родительских прав из-за формирования уверенности, что «так будет лучше всем». Представители четвертой группы (довольно немногочисленной в нашем исследовании) выразили желание восстановить свои родительские права в связи с трагическими событиями — гибелью матери и угрозой помещения ребёнка в детский дом. Оптимальной, на наш взгляд, является пятая группа родителей, которые осознанно принимают решение о восстановлении родительских прав, активно выполняют план реабилитационных мероприятий, сотрудничают с представителями органов опеки и попечительства, социальными службами, неправительственными организациями, предпринимают усилия для восстановления отношений с родными детьми.

В ходе анализа и интерпретации результатов исследования были выявлены две наиболее типичные стратегии поведения женщин-респондентов: первая связана с самоидентификацией с материнством, которая позволила выявить прямую корреляцию между ценностью родительства и возвращением права опеки над ребёнком: чем сильнее самоидентификация с ролью родителя, тем более вероятно возвращение ребёнка в биологическую семью.

Вторая стратегия демонстрирует сознательный отказ женщин от материнства и родительства под влиянием трудной жизненной ситуации; характеризуется самооправданием собственного поведения, идентификационным кризисом личности, граничащим с глубокой деградацией.

Исследование позволило выявить наиболее эффективные ресурсные механизмы, позволяющие родителям вернуть право опеки над родными детьми: демонстрацию устойчивой мотивации, проявление инициативы в процессе возврата детей; наличие активной социальной поддержки со стороны членов расширенной семьи, супруга; трудоустройство; прохождение курса лечения у нарколога и преодоление аддикции; получение стабильного дохода; организацию и осуществление комплексного сопровождения родителя(ей) со стороны социальных служб, образовательных и медицинских учреждений в процессе восстановления родительских прав.

В ходе исследования были установлены типичные объективные и субъективные барьеры, препятствующие родителям восстановить опеку над кровными детьми. К объективным трудностям следует отнести: низкую правовую грамотность; недостаток знаний о механизмах работы системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; отсутствие независимой негосударственной структуры (организации, службы), оказывающей родителям помощь в восстановлении их прав; заявительный характер получения социальной помощи; низкий уровень выявления семейного неблагополучия на более ранних этапах со стороны учреждений образования, здравоохранения, социальной защиты, усугубляющий кризис семьи.

Субъективными трудностями, затрудняющими процесс восстановления родительских прав, выступают: наличие специфических социально-психологических особенностей самих родителей, в частности инфантилизм; низкий уровень самоконтроля и нереалистичная оценка собственного поведения; рецидивы алкоголизма/наркомании; низкий уровень мотивации к возвращению ребенка в семью; форма устройства ребенка (в случае с родственной опекой выявлен самый низкий уровень мотивации к восстановлению родительских прав); кризис самоидентификации личности, самооправдание несостоятельности выполнения родительских ролей.

Изучение результатов опроса детей, возвращенных в биологические семьи, позволило установить, что практически у всех респондентов есть опыт длительного проживания в учреждениях социальной защиты населения (приютов, социально-реабилитационных центров, центров помощи семье и детям и т.д.), длительность которого варьировалась от 3–4 месяцев до года и более. Около половины из них (48 человек) отметили неоднократные случаи возврата и повторного изъятия из семьи в результате рецидива алкогольной зависимости («срыва», «ухода в запой») родителей, оставления без присмотра до окончательного принятия решением судом о лишении/ограничении родителей в правах.

На вопросы о применении физического насилия в прошлом одни дети говорят об этом открыто, в некоторых случаях демонстрируя старые шрамы или следы от полученных травм («вот это меня отец так, когда я хотел мамку защитить»), другие, напротив, не склонны к обсуждению этой темы, вероятно, из-за сильной психологической травмы и высокого уровня стресса.

Несмотря на существование объективных, четко осознаваемых детьми фактов жестокого обращения, пренебрежения, уклонения или злоупотребления родителями своими обязанностями в прошлом, желание вернуться к биологическим родителям

из государственных учреждений очень велико. В нарративах детей прослеживаются темы жалости («жалко, что я тогда малой еще был, вот в детдом и отдали»), оправдания поведения родителей («если бы его (отца. — Прим. авт.) не уволили, он бы так не пил»; «если бы не этот к...л отчим, который постоянно «квасил» и она (мать. — Прим. авт.) вместе с ним, то может быть и не лишили бы»), их защиты («да нет, все не так уж и плохо было, когда мать не пила»). В этой связи дети среднего и старшего подросткового возраста (13–17 лет), возвращенные в биологические семьи, чаще всего берут на себя часть домашних обязанностей, стараясь создать атмосферу семейного благополучия.

В описании детско-родительских отношений детьми присутствует элемент амбивалентности: с одной стороны, желание быть рядом с родителями, с другой — багаж прежнего негативного опыта взаимоотношений, длительная разлука, отчуждение, произошедшие изменения (появление других детей; нового сожителя/супруга; переезд на новое место жительства) вносят дискомфорт, иногда разочарование из-за обманутых ожиданий («хочу, чтобы все было как раньше»). Это создает условия для возникновения и усугубления конфликтов в межличностных отношениях между родителями и детьми, основными причинами которых выступают бытовые, финансовые, жилищные, поведенческие, связанные с противоборством интересов членов семьи.

Несмотря на реабилитацию родителей и прохождение процедуры восстановления родительских прав, некоторая часть детей не исключает возможности возобновления аддиктивных форм поведения у родителей. Чем старше ребенок, тем с большей долей вероятности он/она допускает возникновение рецидива.

Надежда на изменение поведения родителей в лучшую сторону, желание «быть как все», избавиться от дискриминирующего статуса «приютского» ребенка среди сверстников и одноклассников, жить дома, а не в учреждении, иметь больше свободы и независимости — это наиболее типичные темы, звучащие в интервью респондентов.

Опираясь на результаты исследования, можно выделить ряд индикаторов, которые позволяют определить наиболее острые «переломные моменты» в жизненных траекториях детей и родителей, оказывающие влияние на их взаимоотношения в настоящем: причины потери права опеки над детьми; время, прошедшее с момента ограничения/лишения родительских прав до момента их восстановления; качество и характер отношений между родителем и ребенком до и после лишения/ограничения прав; возраст ребенка; наличие и характер отношений с родственниками.

Результаты исследования, а также совокупная экспертная оценка степени риска жизни и здоровья детей, проживающих в восстановленных биологических семьях, со стороны сотрудников органов опеки и попечительства, образовательных, медицинских, социозащитных, правоохранительных организаций, позволяют констатировать следующее: при квалифицированном социальном сопровождении данной категории семей, без излишнего вмешательства со стороны контролирующих органов, степень риска для жизни и здоровья детей минимальна.

Заключение

Одной из главных задач Десятилетия детства, стоящих перед государством и обществом в 2018–2027 гг., должна стать не только деинституционализация сиротства, развитие и расширение спектра семейных форм устройства детей, оставшихся без попечения, но и оказание помощи биологическим семьям в процессе восстановления их в родительских правах, для чего необходимо разработать и внедрить систему государственных мер, направленных на оказание помощи, комплексного социального и психолого-педагогического сопровождения данной категории семей с детьми в процессе их социальной реадаптации и ресоциализации.

Для увеличения количества возвратов детей в семьи биологических родителей и повышения устойчивости восстановленной семьи предлагаем следующие рекомендации: законодательно закрепить право лишенного родительских прав родителя на общение с ребенком, если оно не противоречит интересам последнего, не наносит вред его физическому, морально-нравственному, психологическому развитию; шире использовать метод участковой социальной работы, позволяющий выявить семьи, находящиеся в социально опасном положении и трудной жизненной ситуации, на ранней стадии неблагополучия; проводить реабилитационную работу с родителями, в том числе лишенными/ограниченными в родительских правах, оказать им комплексную социальную помощь с целью воссоединения ребенка с семьей; организовать социальное сопровождение восстановленной семьи в постадаптационном периоде в ходе регулярных патронажей, осуществляемых органами опеки и попечительства, учреждениями социальной защиты; активизировать правоприменение статьи 91 Жилищного кодекса РФ, предусматривающей возможность выселения лишенных прав родителей из жилого помещения без предоставления им жилья, если их совместное проживание с ребенком признано судом невозможным, которая получила свое развитие в принятом Федеральном законе от 29 февраля 2012 г. № 15-ФЗ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Жилищный кодекс РФ: федер. закон от 29.12.2004 № 188-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (дата обращения 12.08.2018).

Микляева А.В., Румянцева П.В. «#Онажемать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе. Женщины в российском обществе, 2018, 1(86), 67–77. doi: 10.21064/WinRS.2018.1.6

О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения жилыми помещениями детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федер. закон от 29.02.2012 № 15-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126736/ (дата обращения 10.08.2018).

Семейный кодекс РФ: Федер. закон. от 29.12.1995 № 223-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения 11.08.2018).

Федеральная служба государственной статистики. Семья, материнство и детство. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (дата обращения 12.08.2018).

REFERENCES

Zhilishhnyj kodeks RF: feder. zakon ot 29.12.2004 № 188-FZ [Housing Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.2004 № 188-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51057/ (accessed August, 2018).

Miklyaeva, A.V., Rumyantceva, P.V. (2018). «#Onazhemat'»: implicitnye social'nye predstavleniya o materinstve v sovremennom rossijskom internet-diskurse [«#Sheisamother”: implicit social beliefs about motherhood in the modern Russian internet discourse] Zhenshchiny v rossijskom obshchestve [Woman in Russian Society], 1(86), 67–77. doi: 10.21064/WinRS.2018.1.6.

O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federatsii v chasti obepecheniya zhilymi pomeshheniyami detej sirot i detej, ostavshikhся bez popecheniya roditelej, lits iz chisla detej-sirot i detej, ostavshikhся bez popecheniya roditelej: Feder. zakon ot 29.02.2012 № 15-FZ [On amendments to certain legislative acts of the Russian Federation especially concerning housing for orphans and children deprived of parental care: Federal Law of 29.02.2012 № 15-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_126736/ (accessed August, 2018).

Semejnyj kodeks RF: Feder. zakon. ot 29.12.1995 № 223-FZ [Family Code of the Russian Federation: Federal Law of 29.12.1995 № 223-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (accessed August, 2018).

The Russian Federal State Statistics Service (Rosstat). Family, motherhood and childhood. Available at URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/# (accessed August, 2018).